

Татьяна КРАВЧЕНКО

СЫНЫ ГОРНОЙ ШОРИИ – СЫНЫ РОССИИ

(по материалам Книги Памяти
шорского народа)

К сожалению, последнее время мы всё чаще сталкиваемся с фальсификацией истории Великой Отечественной войны. Историю переписывают, меняют, преступно искажают факты. Что такое история? Это прошлое, сохранившееся в памяти (*одно из определений толкового словаря*). Забыли – значит, не было... Ну или было, но кто его знает как, может, так, а может, эдак...

Один из рецептов не забыть – перечитывать письма прадедов, листать хроники тех лет, читать книги-воспоминания, посвящённые подвигу земляков, говорить с нашими бабушками и дедушками, которые, хоть и были тогда детьми, а самое важное помнят. Святая правда о Великой войне надёжно хранится в историях простых воинов, которые, не имея за душой ничего, кроме веры в Отечество, ценой своей жизни защищали наше с вами право на мирную жизнь.

В 2014–2015 годах я была участником команды, работавшей над Книгой Памяти шорского народа. Мои задачи были привычными: подготовить электронный макет для печати, обработать фотографии, оформить обложку, форзацы и т. п. В 2015 году книга вышла в свет тиражом тысяча экземпляров и почти тут же растворилась-распространилась по шорским семьям. Часть тиража попала в библиотеки города Таштагола и Таштагольского района, в других городах области найти книгу крайне трудно.

Книга Памяти шорского народа издана по инициативе внуков и правнуков шорских героев. Деньги, необходимые для издания, собирала кто сколько сможет. Основную организационную и редакторскую работу взяли на себя писатель Татьяна Васильевна Тудегешева и паштык общественной организации шорского народа Таштагольского района Мария Ахранова Идигешева.

В издании в алфавитном порядке перечислены имена шорцев-воинов, погибших и пропавших без вести, сведения о которых удалось найти в результате поисковой работы.

О поисковой работе стоит сказать особо. Автор-составитель книги – Николай Геннадьевич Кискоров. Бесценный материал он стал собирать после поездки с бабушкой Варварой Николаевной Кискоровой в Центральную Россию. В 1989 году они посетили братскую могилу, в которой был захоронен дедушка Михаил Иванович Кискоров, погибший в Смоленской области. После поездки Николай Геннадьевич решил выяснить судьбу четверых участников войны, которые ушли на фронт из родного аймака Парушка и пропали без вести. Так началась его работа по поиску земляков-шорцев, участников войны, постепенно она переросла в масштабное дело. Он работал в военкоматах и архивах городов, собирал по крупицам информацию из газет, книг, встречался с родственниками пропавших и погибших. Николай Геннадьевич выявил 71 награду (ордена и медали), так и не врученную шорским воинам. В 2007 году поисковая работа прекратилась в связи с трагической гибелью Кискорова. То, что удалось собрать за 18 лет, и было издано в 2015-м в Книге Памяти.

Во второй части книги собраны воспоминания о шорцах – участниках Великой Отечественной войны, статьи из газет, письма фронтовиков. Вот лишь несколько историй.

О ПЕРВОМ ДНЕ ВОЙНЫ

Из воспоминаний учительницы Зинаиды Афанасьевны Куспековой:

«21 июня день был тёплый, солнечный. День прошёл в хлопотах, готовилась поехать в дом отдыха «Ашмарино» – школа дала путёвку. Вечером ходила на танцы. Утром 22 июня проснулась от того, что плакала мама, отца дома не было. Его вызвали в райком КПСС, а по радио передали, что началась война».

Из воспоминаний ветерана Николая Семёновича Кызынгашева:

«22 июня в посёлке Спасск секретарь парткома Алтайского прииска Евгений Павлович Кропотов на стадионе собрал на митинг жителей и зачитал обращение главы Правительства СССР В. М. Молотова. Мужчины слушали серьёзно, а женщины плакали. Нам, кому только-только исполнилось четырнадцать, было обидно, что не достанется войны».

ШОРЦЫ – ЗАЩИТНИКИ РОДИНЫ

Войны хватило на всех. Как писал с фронта шорец Порфирий Михайлович Майнаков: «Здесь люди со всей Земли собираются, все народы здесь».

Шорцы – прекрасные охотники, с детства знали ружьё, умели снайперски стрелять, сибирская тайга закалила характер. Шорцев можно было встретить под Москвой, под Сталинградом, под Курском, в Прибалтике, в составе Тихоокеанского флота, словом, почти везде.

Из письма Н. Г. Кисорова генеральному секретарю Лиги малочисленных народов и этнических групп Е. А. Гайер: «117 шорцев были офицерами, двое имели звание майора, командовали батальонами. Четыре человека (Николай Ильич Сыркашев, Семён Михайлович Тенев, Алексей Ермолаевич Токмагашев, Андрей Иванович Шипеев) представлялись к присвоению звания «Герой Советского Союза», но по различным причинам так и не были удостоены».

ЖИЗНЬ И ПОДВИГ МИХАИЛА КУЮКОВА

Михаил Михайлович Куюков – воин, посмертно получивший звание Героя Советского Союза, ставший символом патриотизма и героизма шорских солдат в Великой Отечественной войне.

По материалам статьи Л. Чульжановой (бюллетень «Туган Чер», 2005 год):

«Михаил Куюков был родом из деревни Старое Абашево (ныне станция Карлык). В семье – четверо детей. Мать Анна Куюкова умерла, когда Михаилу исполнилось 10 лет. Отец Михаил Николаевич работал в колхозе имени Коминтерна.

После окончания начальной школы Михаил работал в колхозе, помогал отцу. Его отправили на курсы трактористов, но работать трактористом не пришлось, так как тракторов в колхозе не было – пахали на лошадях и быках.

Отец принял решение учить сына дальше, и Михаил поехал в Мыски. Там он учился и одновременно работал в лесничестве. Когда отец тяжело заболел, Михаил был вынужден вернуться домой, окончив только 6 классов.

О начале войны в Старом Абашеве узнали от Михаила Ефимовича Куюкова – он, бывший радист, сделал себе радио и первым услышал, что началась война. Потом стали забирать на фронт мужчин. Почти все они погибли, приходили только похоронки. В 1942 году на фронт ушёл и 17-летний Михаил Куюков. Воевал пулемётчиком в 194-м Краснознаменном Ташкентском пол-

ку Центрального фронта. Погиб в 1943 году, освобождая Белоруссию.

Из письма отцу Михаила Куюкова от боевых товарищей:

«В ночь на 30 сентября батальон вёл тяжёлый бой с фашистами (в ночь на 30 сентября 1943 г. 3-й стрелковый батальон, в котором воевал Михаил Куюков, получил задание атаковать деревню Скиток на реке Сож). Немцы укрепились на берегу реки и поливали из пулемётов наши боевые порядки. Полностью пренебрегая пулемётами, Михаил Куюков выдвинулся вперёд и открыл по гитлеровцам шквальный огонь. Примеру Героя последовали бойцы. Они любили его за мужественное сердце и весёлый характер, знали, что у Михаила есть отец и любимая девушка... Бойцы бросились в атаку и выбили немцев из траншеи. Но враг не хотел с этим мириться, пошёл в контратаку. На каждого красноармейца приходилось 5–6 гитлеровцев. Одну за другой бойцы отбили три контратаки...

В этом бою пали смертью героев любимые товарищи, среди них Михаил Куюков. Он вёл губительный огонь, пока вражеская мина не разбила его пулемёт. Затем Михаил взял бронебойку убитого товарища и, пока не кончились патроны, не переставал бить из неё немецких зверей. Вражеские пули пробиты обе ноги. Немцы подходили вплотную, но Михаил решил бить до последнего. Он взял автомат и стал стрелять, а когда кончились патроны, крикнул: «Прощай, Родина!».

После гибели о подвиге Михаила Куюкова было известно в каждом подразделении полка. Его именем названы улицы в Междуреченске и Мысках, в честь него проводится Всероссийский турнир по боксу в Междуреченске, его бюст установлен в Мысках у Мемориала Славы, в память о нём – мемориальные доски на фасаде школы в Мысках, на здании станции Карлык, в Омске на здании военного училища, в селе Староабашево. Помнят о подвиге Михаила Куюкова в Беларуси – там ему поставлен памятник.

СЫНОВЬЯ ПЛАВЬЯНА

По материалам статьи А. Амзорова (бюллетень «Туган Чер», май 2005 г.):

«Небольшое приискное селение Ивановка терялось среди гор в верховьях Усы. Жили здесь охотники, золотоискатели, рабочие прииска. Плавьян Егорович Чудояков был здесь старожилом. Здесь выросли сыновья Андрей, Фёдор и Порфишка и теперь помогали отцу добывать золото.

Соседи с завистью говорили Плавьяну:

– Счастливым ты человек, Плавьян. Вон каких работников вырастил. Горы свернут.

Отец расплывался в улыбке:

– Слава Богу, не обижаясь.

Незадолго до войны Фёдор окончил курсы взрывников и стал «переворачивать горы», добывая марганцевую руду.

Надвигались тяжёлые тучи, грянул гром войны. Чудояковы провожали на фронт старшего сына Андрея. Спустя небольшое время пришло извещение о его гибели в боях под Сталинградом.

Почти в один год провожали на фронт Фёдора и Порфишку.

Отец, украдкой смахивая с лица слёзы, настаивал сыновей:

– Олларым (*сыновья*), не посрамите честь своего рода и славное звание охотников. Не робейте перед врагом, бейте его изо всех сил.

И бились сыновья Плавьяна не на жизнь, а на смерть. Фёдор был автоматчиком. Метко бил фашистов, показывая пример мужества и отваги однополчанам. Но не суждено было солдату вернуться на Родину. В жестоком бою с противником на польской земле, в г. Зонвальнинге сложил он голову и похоронен в братской могиле.

Порфирий после призыва в армию в 1943 году был зачислен в 39-й учебный танковый полк, а в начале 1944 года уже воевал на передовой в звании сержанта. Был трижды ранен: на подступах к селу Красинскому Черниговской области, под Яссами в Румынии и в 1945 году, после взятия Будапешта, у озера Балатон.

После последнего ранения 15 суток лежал в армейском госпитале без сознания. Одну ногу до бедра оторвало снарядом, а другую выше колена – ампутировали врачи. Сознание вновь покинуло его, и в таком состоянии он был доставлен в Тбилиси, в госпиталь.

Воин-сибиряк вернулся на родину лишь в 1946 году. Дома его встретило ещё одно неутешное горе: умер отец от несчастного случая. Оставил Порфирий на поле брани двух братьев и половину самого себя».

ПИСЬМА ШОРСКОГО ПОЭТА

По материалам статьи Л. Чульжановой (бюллетень «Туган Чер», 1995 год):

«Моисей Иванович Апонькин родился в пос. Устюнгал (ныне Чувашка) в 1914 году. Работал учителем. В 1935 году Моисей Иванович был арестован за стихи и отправлен в ссылку в Киров-

скую область, где работал бухгалтером. Потом его за расстрату посадили в тюрьму в Архангельской области. В 1942 году взяли на фронт в армию Рокоссовского, которая набиралась из заключённых. Как имеющий образование, он был назначен командиром отделения артиллерийской разведки в звании старший сержант. Воевал на 3-м Украинском фронте в районе Кривого Рога. За героический подвиг с него сняли судимость».

Из писем Моисея Ивановича Апонькина матери:

«Осень, дождик домахивает. Немец, отступая, сжигает на своем пути всё: дома, хлеб и т. д., расстреливает жителей, скот. Взрывает колодцы, нет воды. Кое-когда достанешь, напьёшься и лошадей напоишь. <...> Между собой разговариваем шёпотом, но зато очень отчётливо отдаются свист и вой пуль из пулемётов <...> Жить хочется, но шансы на жизнь плохие».

Из письма боевого товарища Моисея Ивановича Апонькина – Н. Антонова, адресованного матери 13 мая 1944 года:

«1 января 1944 года был сильный бой. Немец наседал. Но все мы держали крепко рубежи обороны. Вражеский снаряд разорвался вблизи нас, и Моисея осколком убило наповал. Он даже не ахнул и упал на землю, как подкошенная трава. Мы вывезли и похоронили его на кладбище в Бузиново, Большая Белозерка. Пишите. Покуда жив – отвечу».

Если бы Моисей Иванович остался в живых, то, вероятно, стал бы шорским писателем. В ссылке он написал повесть о днях, проведённых в тюрьме, описывал фронтową жизнь в письмах, которые отправлял матери.

ЗИМНИЕ ВЕЧЕРА У ПЕЧУРКИ

Из воспоминаний дочери фронтовика Антониды Егоровны Тунековой (Башевой):

«Отца Егора Ивановича Тунекова призвали на фронт из посёлка Калары Таштагольского района. Пошёл воевать, не зная ни единого слова по-русски. Принимал участие в Сталинградском сражении. Вернулся с фронта весь в ранениях.

Вечерами мы любили слушать рассказы отца о боевых действиях. Трещат поленья в железной печурке, мама хлопочет у русской печи, вкуснейший запах по всему маленькому дому. Мы, старшие, сидим на полу, окружив отца тесным кольцом, младшие сидят на коленях. Отец не всегда охотно соглашался рассказывать о войне, ему, видимо, было тяжело вспоминать.

А мы, глупыши, постоянно просили. Вот одно из его воспоминаний:

«...Прошёл бой. Очнулся – вокруг мёртвые. Наклоняюсь, слушаю – не дышит. К следующему подхожу – не дышит... Вот только несколько минут тому назад с одним, с другим разговаривал – и уже их нет! Иду по направлению линии фронта, кругом убитые. Наступили сумерки. Смотрю, в лесочке светится небольшой огонёк. Подошёл поближе, вроде русская речь. Вокруг маленького костра собрались те, кто остался жив. Увидев меня, все поднялись. Схватили на руки, начали подбрасывать: «Ура! Ура! Ура! Шорец живой! Шорец живой! А мы тебя помянули!» Боялись громко говорить: как бы немцы не услышали».

Почему были рады живому шорцу? Да потому, что отец всех смешил своей речью, как что-нибудь скажет – все валились от смеха. Только на фронте начал обучаться русскому языку. Да и плюс к тому, отец не курил, и его очередная норма махорки доставалась следующему по очереди, кто оставался жив».

С ТЕЛЕФОННОЙ КАТУШКОЙ ЗА СПИНОЙ

По материалам статьи Л. Чульжановой (бюллетень «Туган Чер», 1995 год):

«Арсентий Николаевич Антонкин родом из посёлка Усть-Мрасс. В 1942 году окончил семилетку на Ивановских приисках. В этом же году семья получила похоронку на отца, а через год умерла мать. Недавний выпускник школы, Арсентий Николаевич работал секретарём в Мысковском нарсуде. Весной 1944 года, когда исполнилось 18 лет, ушёл на фронт, воевал связистом в составе 3-й Ударной армии 2-го Белорусского фронта. С телефонной катушкой за спиной дошёл до самого Берлина.

Арсентий Николаевич участвовал в боях за освобождение Польши, Варшавы, Берлина. Фронтовик вспоминает, каким приподнятым было настроение у советских солдат, когда форсировали Одер, когда до Берлина оставалось 130 километров! «Даёшь Берлин!» – такой по-

зунг был на многих боевых машинах. На пули и взрывы не обращали внимания – все жили близкой победой над фашистами.

Памятен эпизод встречи с американцами под Магдебургом. Два пролёта моста через Эльбу были разбиты, но канаты висели. Надо было восстановить связь с другим берегом, на котором были американцы. Арсентий Антонкин попросил верхонки и на руках и ногах с катушкой за спиной добрался до другого берега. Его окружили восторженные американцы, среди которых были и негры, – их Антонкин увидел впервые. У одного из них на руке до локтя были надеты трофейные часы. Одни он снял и подарил Арсентию. Американцы подносили ему виски, но он отказался, так как его предупредили, чтобы не пил.

Арсентию Николаевичу не пришлось расписаться на стене Рейхстага. В двухстах метрах от него боец был тяжело ранен осколком мины в ногу и отправлен в госпиталь за 11 дней до окончания войны. День Победы он встретил в госпитале».

* * *

Шорские сыны России сражались плечом к плечу с солдатами нашего многонационального Отечества. По данным архивов, материалов, собранных поисковиком Н. Г. Кискоровым, шорский народ потерял в войне более 2 тысяч человек. Для малочисленного народа это невосполнимая утрата.

Многие представители шорского народа стали жертвами политических репрессий в 1930–1940-е годы, в начале 1950-х годов. Никто не исследовал эти данные. Не закончена и поисковая работа Н. Г. Кисгорова, судьба многих шорцев, ушедших на фронт, до сих пор не известна. Кто знает, может быть, Книга Памяти шорского народа ещё пополнится именами и ценными материалами, большое дело найдёт своего достойного продолжателя, и ничто забыто не будет, и никто не будет забыт.

Кемерово

